

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ*

В статье осмысливается проблема формирования и трансформации научного подхода к изучению национальной истории во Франции сквозь призму взаимоотношений коллективной памяти и исторической мысли, ищущей профессиональной ясности и научности. Показано, как «работает» память в историографической операции; каким образом исторический нарратив взаимодействует с социальной памятью в национальной исторической памяти. Обсуждается вопрос о роли памяти в формировании национальной идентичности французов в режиме *longue durée* и в контексте изменяющихся отношений с социальным временем.

Ключевые слова: коллективная память, национальная идентичность, мемориальная структура, бриколаж, история Франции, национальный роман

История, память и современный режим историчности

Во Франции рождение истории как научной дисциплины прочно связано со становлением государства-нации. Возможно, это обстоятельство объясняет традиционно высокий статус исторического знания в этой стране. Однако в XXI в. престиж истории как науки явно снижается¹. Спрос на историю во французском социуме остается очень высоким, и у историков появилось значительно больше возможностей для того, чтобы знакомить публику со своими трудами, но термин «прошлое» стал более важным, чем термин «история». «Повсюду только прошлое, – пишет П. Нора, – истории больше нет нигде. История, т.е. организация прошлого в единый ансамбль, включение его в рассказ, динамичное выявление (*rassemblement*) его смысла, спорного в своей направленности, но бесспорного в наличии, такая история явно уходит на второй план; и это удаление особенно ясно ощущается в образовании»². Сегодня «больше говорят об использовании прошлого, чем об использовании истории, скорее о памяти, чем об истории, и оба эти понятия – история и память – идут рука об руку», – уточняет Ф. Артог³.

Историческая наука «становится бедной родственницей когнитивных наук», считает Нора. Ее вытесняет «прошлое», которое сегодня ассоциируется не с дисциплинарным историческим знанием, а с памя-

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, по проекту № 14-01-00357а, а также гранта РНФ № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

¹ См, напр.: Prochasson 2008.

² Nora 2013/5. P. 3. См. также Rousso 1998; Nora P. 2011.

³ Entretien avec François Hartog, réalisé par Julien Tassel...

тью. Иначе говоря, если в эпоху классического познания история понималась как наука о «прошлом», то сегодня людей интересует только само это «прошлое», которое историки не могут объяснить. Они могут лишь показать, как репрезентации о прошлом формируются в настоящем. В этой связи во Франции уже несколько десятилетий обсуждается идентичность современного историка, эпистемологическое содержание исторического знания⁴ и состояние исторического образования⁵.

В одном из интервью П. Нора напомнил, что О. Конт различал эпохи позитивные и критические. «Первые были охвачены творческим порывом конструирования будущего, вторые целиком заполнены пережевыванием прошлого. Мы живем в эпоху второго типа. Поскольку прошлое больше не говорит о себе, каждый может заставить его говорить то, что ему хочется. По привычке и для простоты такое новое отношение к прошлому называют “историей”. Но то, что раньше по определению означало создание коллективной связи, стало индивидуальной принадлежностью, где доминируют этические, игровые, проективные, аффективные измерения. Речь больше не идет о том, чтобы вписать свой опыт в опыт коллективный, но об игре с имеющимся капиталом... История, которая по определению была фундаментом реальности, стала областью воображаемого...»⁶.

Глубинной основой этих перемен является не только многоплановая трансформация мира⁷, но изменение «порядка времени» (К. Помпьян). В последние десятилетия все три модуса времени (прошлое, настоящее, будущее) переживаются не как последовательные, а как одновременные составляющие современности⁸. «Каждый, кто задумывался о современности, – пишет известный философ, – знает, что рассмотреть ее можно, только расколов на множество времен, привнеся во время ощутимую неоднородность»⁹. Хорошей иллюстрацией такого восприятия времени является мода. Она способна «внедрять во время особенную прерывистость, разделяя его в соответствии с его актуальностью или неактуальностью, его следованием или не следованием моде (следовать моде не то же самое, что быть модным, так как последнее относится только к вещам). Эта цезура едва уловима, но все же очевидна, поскольку те, кому суждено ее почувствовать, непременно чувствуют ее, подтверждая тем самым свою принадлежность к моде, но стоит только попытаться конкретизировать и закрепить ее во временной хронологии, как она тотчас же ускользает от нас. Прежде всего, определить

---

⁴ Чеканцева 2014.

⁵ Badré 2013/5.

⁶ Nora 2013/5. P. 3-5.

⁷ См., напр., Бауман. Текущая модерность...

⁸ Кондратьева 2015.

⁹ Агамбен. 2014. С. 36.

“сейчас” моды, то мгновение, когда она осуществляется, нельзя ни по какому хронометру. Быть может, “сейчас” – это миг, когда дизайнер создает штрих, оттенок, который обусловит новую тенденцию в одежде? Или же миг, когда он передает идею художнику-модельеру, или позже, когда рисунок отправляется в пошив, где из выкройки сделают прототип? Или же минуты показа, когда одежду демонстрируют манекенщицы – единственные люди, всегда и везде следующие моде, но именно поэтому никогда не следующие ей по-настоящему? Ведь в конечном итоге следование моде “стилей” и “форм” возможно только в том случае, если люди из плоти и крови, не такие как манекенщицы – эти самоотверженные жертвы безликого божества, признают моду и возьмут ее на вооружение в собственном гардеробе. Таким образом, время моды по своей структуре опережает само себя и, собственно, постоянно опаздывает, приобретая форму смутной границы между “еще нет” и “больше нет”¹⁰. Во Франции понятие режима историчности ввел в науку и представил в качестве идеального типа Ф. Артог¹¹.

Особенность этой историчности – возвышение памяти, чрезмерное внимание к прошлому (недавнему, травматическому, трагическому, не уходящему). Пропитанная ностальгией память стала выражением стремления преодолеть силу забвения, вернуть искаженное, отвергнутое, стертное – в сочетании с крайней неопределенностью в отношении будущего, порожденной утратой веры в прогресс и недоверием к официальной историографии. На этой волне изменилось отношение к культурному наследию. Его, по сути, «изобрели» заново, поставив в центр антропологическое восприятие культуры как мира символов, следов, знаков, которые необходимо сохранить для настоящего¹². Историки в этих условиях «совершая историографическое и мемориальное обновление, расстаются с прошлым в себе и вносят свой вклад в дело рефлексии и интерпретации, которому служат гуманитарные науки»¹³.

Воспоминание и забвение воспринимаются как важнейшие факторы общественной жизни и политики. Историческая политика и мемориальная культура, характеризующие уровень обращения к прошлому, стали объектом пристального внимания ученых¹⁴. Под мемориальной культурой понимается совокупность средств, с помощью которых отдельные индивиды, группы и культуры выстраивают свою идентичность. Причем злоупотребление воспоминаниями в политике и практиках повседневности не всегда можно назвать инструментализацией

---

¹⁰ Там же. С. 31-33.

¹¹ Hartog 2003.

¹² Pomian 2010/2.

¹³ Досс 2013. С. 40-41.

¹⁴ Bertrand 2006; Империя и нация...; Историческая политика в XXI веке...

истории: «Понятие “инструментализации” внушает мысль, будто прошлое надежно контролируется настоящим, но на самом деле именно прошлое, особенно травматическое, не выпускает будущее из своей хватки. Не мы владеем прошлым – это оно владеет нами»¹⁵.

Такие понятия как *родина, нация, идентичность, наследие* пропускаются сквозь фильтры памяти. Линза памяти позволяет увеличить, уменьшить, сфокусировать или переместить внимание на новые темы и аргументы, изменяя взгляд на вещи и людей. Созданные с помощью памяти сетки анализа помогают пониманию социальной и политической реальности, видоизменяя способы размышления или описания.

В трудах, посвященных важнейшим событиям в истории Франции¹⁶, показано, как историческая память участвует в социальном конструировании преемственности или разрывов. Приоритетной темой исторических исследований являются различные аспекты «использования прошлого»¹⁷, а историческая память изучается преимущественно в связи с «политикой памяти» или «исторической политикой», с анализом значения политического заказа в формировании исторических знаний при решении конкретных политических задач. Не удивительно, что память вовлечена в политическую борьбу¹⁸. Коллективная память и идентичность – концептуальные инструменты в бесчисленных «войнах памяти», охвативших Францию в конце 1990-х гг.¹⁹ В них исторический дискурс о памяти смешивается с дискурсом политическим, философским, этическим, юридическим, медиальным. Конфликты памяти нуждаются не только в прошлом, но и в настоящем, причем очень важны контексты возникновения таких конфликтов. В то же время память порой становится составляющей в процессе деформирования реальности, превращаясь в сфере коммуникаций в объект манипуляций.

Образно и точно характеризует ситуацию Ф. Артог: современная история/историография стремительно меняется в сопровождении «квартета в составе памяти, коммеморации, наследия и идентичности, а также тех, кто им аккомпанирует. В роли руководителя оркестра выступает наше настоящее»²⁰. Однако вопрос о том, что такое коллективная память, остается открытым. Введенное в науку А. Бергсоном и М. Хальбваксом, это понятие до сих пор нередко воспринимается как метафора. Остановимся на этом подробнее.

---

¹⁵ Ассман 2014. С. 303.

¹⁶ См.: Dosse 2010; Joutard 1985; Rousso 1990; 1999; 2001.

¹⁷ Les usages politiques du passé...; Concurrence des passés... Резко возросла роль коммеморативных практик. Namer 1987; Les usages politiques de la fête...; La mémoire des Français...; Garcia 2000.

¹⁸ Тьесс 2010; Вельцер 2005.

¹⁹ См.: Blanchard, Veyrat-Masson 2008.

²⁰ Hartog 2010/1.

Мысль о том, что человек, будучи существом социальным, не является хозяином своих воспоминаний на интуитивном уровне, вызывает отторжение. Но аналитики коллективной памяти убедительно показали, что такие воспоминания во многом зависят от бесчисленных репрезентаций, окружающих индивида в коммуникации с другими людьми в различных группах (семья, школа, университет, трудовой коллектив и пр.) или в непрерывно обновляющихся информационных потоках, сопровождающих процесс социализации и живого общения.

В незаконченной работе «Коллективная память», опубликованной уже после смерти М. Хальбвакса в 1950 г., содержится несколько идей, касающихся исторической памяти²¹. Индивидуальная память – память кратковременная, она умирает вместе с человеком. Историческая память, как и другие виды коллективной памяти (социальная, культурная, политическая, официальная, семейная и пр.), является памятью долговременной. Она продолжает жить в поколениях людей, непрерывно трансформируясь, благодаря специальным практикам и институтам, при поддержке социума и государства. Различаются память внутренняя (автобиографическая) и внешняя (историческая). Обе функционируют примерно одинаково. Первая является более точной, поскольку связана с реальной жизнью человека. Вторая во многом зависит от «всеобщей истории». Историческая память не исчерпывается той историей, которую можно найти в исторических книгах или школьных учебниках. Скорее она соответствует «живой истории», разлитой в пространстве здравого смысла. Такую память Хальбвакс представлял как то, что другие оставили нам в наследство, что не всегда присутствует в книгах.

Объясняя связь индивидуальной и коллективной исторической памяти, он приводит пример из собственной жизни: «Что произошло в мире в 1877 году, когда я родился? Это год 16 мая, когда политическая ситуация менялась со дня на день, год истинного рождения Республики. У власти был министр де Брольи. Гамбетта в том году объявил (президенту Франции Мак-Магону, – примеч. пер.): «Вы должны подчиниться или сложить с себя полномочия». В том же году умирает художник Курбе. Виктор Гюго публикует второй том “*Легенды веков*”. В Париже достраивают бульвар Сен-Жермен и начинают прокладывать авеню Республики. В Европе все внимание сосредоточено на русско-турецкой войне. Осман-паша после долгой и героической обороны вынужден сдать Плевну. Таким образом, я восстанавливаю обстановку, но это очень широкие рамки, в которых я ощущаю себя крайне затерянным. Несомненно, с этого момента меня подхватил поток жизни нации, но я едва ощущал, что меня несет этот поток. Я был словно пассажир

---

²¹ Halbwachs 1981 (1950, 1968).

на корабле. Перед его глазами проплывают берега, его поездка проходит внутри этого пейзажа, но предположим, что он погружен в размышления или в разговор с попутчиками: тогда он лишь время от времени станет обращать внимание на то, что происходит на берегу; позже он вспомнит поездку, не вдумываясь в подробности пейзажа, или же он проследит ее маршрут на карте и в таком случае, возможно, что-то вспомнит, а что-то уточнит. Но между путешественником и той страной, мимо которой он проплывал, не было настоящего контакта»²². Получается, что индивидуальные жизни в чем-то повторяют движения групп и сообществ, в которые они включены и испытывают на себе последствия их потрясений. Однако люди способны привязать свои жизни к событиям национального масштаба лишь задним числом.

Социальное окружение индивида, среда, в которой он живет, наполнена референциями к такой диффузной, неорганизованной памяти, которую национальная история преобразовывает в нечто цельное и связанное. Национальная история отличается от локальных, провинциальных, городских историй тем, что в ней имеют значение лишь факты, интересующие всех граждан, или всех тех, кто считает себя членами конкретного национального сообщества. Бенедикт Андерсон представил нацию как «воображаемое сообщество». Несколько десятилетий это понятие вдохновляло исследователей, принимающих конструктивистскую установку в понимании природы познания. Сегодня в связи с исследованием механизмов работы памяти в социуме есть основания говорить о нациях как «мнемонических сообществах»²³. Преодолевая представление о противоположности коллективной и индивидуальной памяти, А. Ассман детально проанализировала четыре формата памяти, определяемых размером и характером группы, а также ее пространственными и временными особенностями: память индивида, социальной группы, политических сообществ и память культур. Исследовательница показала также связь форматов памяти с процессами идентификации на разных уровнях, дифференцируя компоненты памяти (носитель, среда, опора) и ее измерения (нейронное, социальное, культурное). Национальную память она считает разновидностью памяти политической и официальной. Это лишь один из возможных видов коллективной памяти, связанный с императивами лояльности и «мы» идентичностью. В отличие от многоголосой социальной памяти, изменяющейся стихийно, национальная память представляет собой более унифицированную конструкцию, которая закрепляется политическими институтами. «При формировании коллективной самоидентификации, – пишет А. Ассман, – решающее значение имеет не онтологиче-

---

²² Хальбвакс 2005.

²³ Zerubavel 2003.

ский статус, а потенциал воздействия исторического опыта, который передается и обогащается новыми толкованиями»²⁴. В этой связи большое значение приобретает вопрос о том «как именно мы вспоминаем?» и «каким образом мы узнаем об историческом событии?». Иными словами, это вопрос о взаимоотношениях памяти и истории.

Память и история

История и память были связаны всегда: не случайно в греческой мифологии Клио – дочь Мнемозины. Впрочем, еще в глубокой древности человеческий опыт стал воплощаться не только в теле индивида, но и в других материальных формах: камень, папирус, бумага, рисунки, маски, картины, одежда, жесткий диск и пр. В текстах отцов-основателей истории – Геродота и Фукидида память присутствует постоянно. В средние века история оказалась подчинена памяти: она была включена в мнемонические техники. Но в конце XIX века не без помощи государства-нации память ушла в тень, передав истории целый ряд проблем, связанных с припоминанием-распознаванием, воображением, образами. Понятие коллективной памяти, введенное в науку в начале прошлого века, способствовало трансформации исторического знания, в котором память стала одним из объектов анализа в качестве исторической репрезентации²⁵. А. Ассман на материале XX века выделила три момента, в которых историческое исследование может быть дополнено мемориальной перспективой: выявление эмоциональной составляющей и индивидуального переживания; изучение мемориальной функции истории как памяти; осмысление этической ориентации²⁶. Все эти и другие аспекты истории памяти сегодня интенсивно изучаются в мировой науке, в том числе в отечественной историографии²⁷.

Различия между историей и памятью хорошо объяснил П. Нора: «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем транс-

²⁴ Ассман 2014. С. 33-39.

²⁵ Rotian 1998; Чеканцева 2015.

²⁶ Ассман 2014. С. 49.

²⁷ Леонтьева, Репина 2015.

ферам, отображениям, запретам или проекциям. История как интеллектуальная и светская операция вызывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память – это абсолют, а история знает только относительное»²⁸.

Но одновременно память – это матрица истории и она остается ею даже тогда, когда становится предметом историографии²⁹. Получается, что память, учитывая всю полисемию понятия, всегда «сопряжена с прошлым». При этом «время остается общей ставкой» (П. Рикёр) как для памяти-чувства (*мнеме*), работающей в процессе простого вызывания в памяти, так и для памяти – действия (*анамнезис*), предполагающей усилие по вызыванию воспоминания. Кроме того, время обеспечивает нерасторжимую связь истории и памяти: обе оформляются в настоящем, но предполагают воскрешение прошедшего.

В классической науке темпоральная дистанция между прошлым и настоящим считалась одним из важнейших атрибутов научности. «В прошлых двух столетиях, – пишет Ф. Анкерсмит, – историки создали ряд сложных интеллектуальных конструкций, в форме таких понятий как *народ, государство, нация, социальный класс, социальная структура* (их число можно умножить), чтобы укрепить существующее расстояние между прошлым и настоящим. С точки зрения этих и других понятий прошлое анализировалось в его качестве быть отличным от настоящего. Факт, что мы всегда говорим об истории определенного народа, некоторой нации, социального класса и так далее (что, несомненно, предполагает непрерывность между прошлым и настоящим) заставляет забыть, что прошлое было разведено с настоящим именно в связи с этими понятиями»³⁰. В новом режиме историчности этот постулат проблематизирован. Кроме того, в критической модели истории было реабилитировано «эксплицитное и обдуманное действие», что вывело на первый план историческую идентичность³¹.

---

²⁸ Франция-память... С. 20. В этом же тексте П. Нора объясняет необходимость изучения не только истории, но и памяти, в т.ч. потому, что «интегральная психологизация современной памяти ввела совершенно новую экономию идентичности Я, механизмов памяти и отношений с прошлым».

²⁹ Рикёр 2004. С. 45.

³⁰ Анкерсмит 2003. С. 307.

³¹ Gauchet 1998. P. 166.

Проблема заключается в том, что индивидуальная историческая память, как и идентичность, имеет многоуровневый характер. В ней переплетаются в специфических формах присвоения и адаптации к экзистенциальным потребностям конкретного человека, личный жизненный опыт индивида и социокультурный опыт различных групп. Роль исторической памяти в формировании личной и групповой идентичности сложно переоценить. Но выявление этой роли затруднено недостаточным пониманием механизмов связей индивидуальной и коллективной памяти с профессиональной историографией³². Размышления М. де Серто и П. Рикёра о судьбе памяти в деятельности историка позволяют прояснить специфику работы памяти в историческом исследовании.

Прежде всего, память неотделима от загадочной природы репрезентации³³. Воспоминание спонтанно возникает как образ, знак того, что уже отсутствует. Это *образ-воспоминание*, в котором, по мысли Рикёра, одновременно сосуществуют *присутствующее*, *отсутствующее* и *предшествующее*. Связанную с этими терминами проблематику хорошо иллюстрирует метафора следа, оставленного печатью на воске: след сохраняется, но удара печати больше нет. Иными словами, образ-воспоминание частично утрачивает свою составляющую, связанную с действием. *Присутствующее* – это сам образ как след, отпечаток, знак канувшей в лету вещи или явления. *Отсутствующим* может быть все что угодно: фантазия, галлюцинация или реальное событие. Здесь возникает проблема соотношения памяти и воображения, воспоминания и фикции, изучением которой занимается риторика. Третья составляющая загадки репрезентации, это наличие темпоральной дистанции, которая в языке выражается с помощью глагольных форм или наречий. В данном случае историк имеет дело с загадкой в квадрате: *предшествующее* присутствует в образе как знак такого *отсутствующего*, которое все-таки имело место. Именно это обстоятельство заверяет память. Она же предлагает промежуточную отгадку для этой головоломки, которая выглядит как возвращение прошлого. Рикёр называет это *узнаванием* или «маленьким чудом». История как наука лишена способности на такое чудо, но обречена на его поиск. «Узнавание вписано в структуры уверенности: его можно оспаривать, подозревать, опровергать с помощью документов, но никакой другой опыт не может его заменить». Узнавание предстает как обработка, согласование, поиск соответствия образа вещи или явлению, след которых сохранила память.

Какова роль в этом человеческого мозга не совсем ясно, ибо когнитивные науки не понимают до конца природу сознания. Но каким

---

³² Lavabre 1994.

³³ Рикёр 2002; 2004; Ricœur 1996. См. о понятии *репрезентация*: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2016. С. 413-415.

бы сомнительным не было воспоминание в момент узнавания, у человека нет ничего лучшего для того, чтобы говорить, писать и рассказывать о том, что имело место до того, как он об этом вспомнил. Память не только предлагает определенное видение события или явления прошлого, оставившего в нас свой след, у нее есть носитель (индивид, персона, субъект). Вспоминая всегда уверен, что это его память, но это иллюзия: воспоминания принадлежат не только ему, они живут в пространстве коммуникации с другими людьми, наполненном непрерывным процессом трансфера воспоминаний. Это «множественное присвоение» в бесчисленных коммуникациях и позволяет говорить о наличии коллективной памяти. Индивидуальные памяти людей переплетены друг с другом, как рассказы или тексты, которые, как им кажется, они сочиняют сами. Судьба памяти, полагает Рикёр, быть «вплетенной в историю»; эта переплетенность обеспечивает связность истории, и она же ответственна за разрывы в ней. Получается, что работа памяти осуществляется как внутри, так и вне ее носителя, не только на уровне отдельного человека, но и на уровне групп и социума в целом.

«Работа» памяти в историографической операции

Мишель де Серто выделяет три основных стадии в структуре историографической практики: стадия документальная, стадия понимания/объяснения и стадия письма в точном смысле слова³⁴. На каждой из этих стадий между памятью и историей существует одновременно «тесная связь и невидимый барьер» (П. Рикёр).

Свидетельство начинается с памяти, полагает Рикёр. В нем высказывается и рассказывает именно память. Свидетель дает показания перед Другим: «я там был, верьте мне!». В самой процедуре свидетельства происходит нечто похожее на распознавание воспоминания, которое предполагает оформление некоторого образа. Но к уверенности свидетеля «я» прибавляется недоверие к «другому». В этой связи нормой становится обращение к письменному свидетельству. Ценность свидетельства, подписанного и заверенного, возрастает: подпись обязывает говорить правду. Кроме того, приобретая бумажную форму, свидетельство входит в зону критики и сравнения. Из свидетельств, собранных в «архивах», рождается «документ», который приобретает большее значение, чем просто след памяти. Он покрывает все материальные следы, оставленные активностью человека и способные быть утраченными, что вызывает к их ответственному хранению.

На стадии объяснения/понимания история отделяется от памяти, включая в исследовательский процесс ресурсы рассуждения и аргументации, которые обычно отсутствуют в простом свидетельстве. Это проявляется в попытках установить причины, выявить качество происхо-

---

³⁴ Certeau 1973.

дящего, отыскать в установленном наборе сведений повторяющиеся явления, выявить их темпоральные характеристики; распределить по разным «этажам» (экономическое, социальное, политическое, культурное), осмыслить связи между ними; использовать масштаб в качестве методического инструмента и пр. Все эти приемы исторического исследования недоступны памяти.

Когда историк переходит от истории рассказанной, которая всегда отчасти легендарна, к истории, которая имела место, его «труд становится событием» писал де Серто. В своей практике историк «не повторяет» (свидетельство, источник, документ – *З.Ч.*), его задача заключается в том, чтобы «превратить историю-легенду в историю-труд»³⁵. В этом замечании важна мысль о неизбежной воображаемой установке в историческом исследовании, наличие которой позволяет понять, почему в истории историографии присутствует мифопоэтическая составляющая. Посредником в работе историка с источниками выступает культура, составной частью которой является коллективная память.

Наряду с документальными следами и архивами перед лицом наук о природе постепенно оформляется автономия истории. У истории есть своя парадигма, которую К. Гинзбург назвал «парадигмой улики». Эта семиотическая модель позволяет выявлять документ, интерпретировать его, проверять в экспертном сообществе профессионалов. Индикативный, поисковый характер работы историка определяет специфику объективности в исторической науке. Она заключается в «документальной истине», соответствующей вероятностной природе исторического познания, проявляющейся в полноте улики, их связности, значимости и проверяется посредством сравнения и дискуссии. Благодаря архиву и документу истина в истории отличается по степени достоверности и содержанию от «подлинности» памяти. В этой связи Рикёр предлагал заменить термин *репрезентация* на *репрезентирование* для того, чтобы подчеркнуть процессуальный характер формирования исторической истины. «Беспокоящая странность» истории при этом сохраняется, но она не совпадает со скептицизмом риторической школы³⁶.

В этом беспокойстве присутствуют не только рациональные, но и моральные, юридические и политические аспекты, важность которых возрастает в связи с проблемой «долга памяти». Речь идет о памяти под пристальным контролем истории: поле воспоминаний приобретает смысл и значение только вместе с историей, когда в нем возможно использование подходов и приемов анализа, разработанных историей-наукой. Кроме того, историографическая направленность на понима-

---

³⁵ Ibid. P. 292.

³⁶ Рикёр 2002.

ние, по мысли Рикёра, затрудняет применять при осмыслении сложных исторических явлений установки судей и обвинителей. Историк работает в пространстве понимания, дискуссии и спора и не стремится к вынесению осуждающих или ободряющих вердиктов. В то же время тексты историка вплетаются в атмосферу коллективной памяти, посредством которой в самого историка и его труды проникают заботы творящего историю гражданина.

Какая именно память составляет «матрицу» истории применительно к определенному историческому нарративу, в частности, к нарративу национальному? Во-первых, это индивидуальная социокультурная память историка, полученная от семьи и институтов социализации, где он сформировался как личность и профессионал. Из образного мира этой памяти рационально и эмоционально выстраивается в тексте репрезентация определенного аспекта исторической реальности. Во-вторых, это социальная память, обеспечивающая «набор категорий, посредством которых члены данной группы неосознанно ориентируются в своем окружении». Одновременно такая коллективная память предоставляет «материал для сознательной рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого в исторической мысли и профессиональном историческом знании»³⁷. В-третьих, это память следов прошлого, сохраненная в свидетельствах, с которыми работает историк. В эти остатки импутирована культурная память той эпохи, в которой жили люди, оставившие свои свидетельства в текстах, изображениях, памятниках материальной культуры³⁸.

Историческая память и национальная идентичность

Тема «самости» или идентичности родилась вместе с человеческой мыслью, но то, что наряду с историей «именно сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего»³⁹, исследуется в междисциплинарном пространстве гуманитарного знания лишь в последние десятилетия. Ж. Нуарьель пишет о «гипнотическом воздействии» на французских историков от Мишле до Броделя размышлений о национальной идентичности⁴⁰. Однако использование понятия *идентичность* в научном дискурсе было и остается проблематичным. Если Клод Леви-Стросс видел в идентичности «виртуальную страну», обращение к которой помогает понять некоторые вещи, то Ф. Бродель, в незавершенной книге о Франции предложил, по мнению критиков, чрезмерно эссенциалистский образ французской идентичности. Многим специалистам смысл слова *идентичность* представляется

---

³⁷ Репина 2016. С. 94.

³⁸ Вжосек 2012.

³⁹ Рюзен 2005.

⁴⁰ Noiriel 1994.

слишком «туманным» для использования в качестве операционального понятия в научном анализе, и от него предлагают отказаться⁴¹.

Однако начиная с 1980-х гг. тема национальной идентичности в политическом дискурсе французов и европейцев в целом, тесно переплетающаяся с проблематикой иммиграции, оказалась в эпицентре общественной жизни. Особую значимость она приобрела в период президентства Н. Саркози, который уже на следующий день после своего избрания принял решение о создании Министерства иммиграции и поставил вопрос о необходимости укрепления национальной идентичности. В течение двух лет шла дискуссия на эту тему, в которую включились многие французские интеллектуалы, но, по мнению экспертов, она оказалась бесплодной⁴². Ученые еще увереннее заговорили о том, что национальная идентичность – понятие политическое и в научной работе его следует использовать осторожно. «Каждый индивид, – пишет, например, Ж. Нуарьель, – имеет множество идентичностей, поскольку он принадлежит к определенной социальной группе, имеет конкретную профессию, может быть членом партии и профсоюза. В то же время у такой индивидуальной идентичности всегда есть гендерные, семейные, лингвистические, региональные, религиозные аспекты. Спектр таких аспектов бесконечно разнообразен. В разные моменты жизни какой-то из этих аспектов или какая-то из этих идентичностей играет доминирующую роль, отодвигая другие на второй план»⁴³. Иными словами, идентичность – это всегда подвижное, процессуальное, многозначное явление, включенное в конкретный социокультурный и политический контекст. Значение данной символической конструкции в современной жизни заставляет искать ответ на вопрос, каким образом и почему этот процесс совершается, в т.ч. в связи с изучением национальных аспектов исторических явлений.

В современном дискурсе о нации сохраняет свое значение самая общая ее характеристика: нация – это исторически складывающаяся общность людей. Иными словами, анализ нации предполагает изучение ее истории: «Нация – это не сущность, возникшая в глубине веков. Рассказ о ней в республиканской школе не является священным текстом, неприкасаемым табу. Нация – это конструкция, становление, динамика, результат взаимодействий. Для того, чтобы оставаться живой, она требует постоянного переосмысления своего нарратива и актуализации (*aggiornamento*) его преподавания»⁴⁴. Тема «национального» всегда насыщена идеологическими и политическими смыслами, предполага-

---

⁴¹ Avanza, Laferté 2005.

⁴² Koukoutsaki-Monnier 2010.

⁴³ Noiriél 2007.

⁴⁴ Citron S. Identité nationale... // <http://aggiornamento.hypotheses.org/58>

ющими использование исторического знания носителями исторического действия (государством, региональным сообществом, политической партией, другими группами, личностью). Даже если сами историки отказываются от идеологизированного подхода, их работы могут использоваться различными националистическими идеологиями⁴⁵. Как справедливо заметил Э. Хобсбоум, «...историки для национализма – это то же самое, что сеятели мака в Пакистане для потребителей героина: мы обеспечиваем рынок важнейшим сырьем... Прошлое и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глазах других, а историки – это люди, которые “производят” это прошлое»⁴⁶. В этой связи идентификация с нацией, по мнению французских историков, требует релятивизации. Фундаментальный вопрос, по словам Нуарьеля, «заключается не в том, чтобы знать “существует” ли “чувство принадлежности” к нации (по сути недоказуемое). Важно понять, как и почему среди всех латентных идентичностей, одна или несколько становятся видимыми в общественном пространстве»⁴⁷. Иными словами, не стоит искать в идентичности некую онтологическую целостность, которую можно реконструировать как общенациональную «самость», сформировавшуюся в процессе длительного исторического развития. Например, «персону» по имени Франция.

В последние десятилетия появились конкретно-исторические исследования, в которых предлагаются новые подходы к проблематике идентичности, имеющие междисциплинарный комбинаторный характер⁴⁸. Авторы таких работ стремятся совместить детальное изучение дискурсов и практик их присвоения, и на основании разных источников проследить бытование идей-образов и их роль в конституировании социальной идентичности на разных уровнях. В качестве примера можно привести работы Деборы Коэн о социальном воображаемом, т.е. идеях-образах, с помощью которых социокультурная общность осмысливает собственное бытование и выстраивает репрезентации Другого⁴⁹. Такие сложные, насыщенные рефлексией исторические исследования позволяют уйти от привычной эссенциализации и натурализации идентичностей. Созданы также десятки конкретно-исторических и историографических исследований о нации и регионах, в которых, не без помощи этого концепта, удалось денатурализовать все, что раньше воспринималось как аисторическая, находящаяся вне времени реальность (нация, народ, традиция, культурное наследие)⁵⁰. При этом в историографии

---

⁴⁵ Подробнее см.: Савицкий 2012.

⁴⁶ Хобсбоум 2002. С. 332.

⁴⁷ Noiriel 2007.

⁴⁸ Weil 2009; Détienne 2010; Thiesse 2010; Reynaud-Paligot 2011; Citron 2008.

⁴⁹ Cohen 2010.

⁵⁰ Charle 1980; Bertho 1980.

присутствует проблематика «нарративной идентичности» исследователя, предполагающая рефлексивное отношение к теме нарратива и аналитическому инструментарию историка⁵¹. Кроме того, французские историки в поисках ответа на вопросы «что значит быть французом?» и «что такое Франция?» сумели предложить убедительный ответ мемориальной лихорадке, охватившей многие страны.

«Места памяти» (1984–1993) – главный проект, позволивший французским историкам объективировать память. Этот объемный труд стал важным шагом в открытии новой эпистемологической перспективы для рефлексивной историографии, учитывающей мемориальную сложность объекта изучения⁵². Определение этого объекта оказалось сложной методологической задачей, поскольку надо было выйти из замкнутого круга предыдущей историографической традиции, пытавшейся «объяснять нацию нацией». По мысли Нора, стержнем всех базовых моделей истории страны была идея о том, что в основе целостности Франции лежит совокупность реальностей, которую историк должен реконструировать, проанализировать, связать воедино в телеологической перспективе. Цель проекта заключалась в том, чтобы вернуть памяти ее место, показав, что «прошлое постоянно участвует в решении проблем настоящего». Заголовок последнего тома стал маркером нового типа истории Франции: том называется “Les France”. Использование существительного в единственном числе и артикля во множественном – вербальное выражение кризисов и разломов, пережитых французами в отношениях с прошлым. Данный демарш направлен против характерной для классической науки иллюзии целостности. Кроме того, проект пронизан «историографической заботой». В этом смысле он внес свой вклад в становление «истории истории», которая учитывает присутствие коллективной памяти⁵³. По мнению Нора,

«только те книги по истории являются местами памяти, основу которых составляет переработка памяти, или те, что представляют собой педагогические брeвиарии. Важные моменты фиксации новой исторической памяти во Франции не так уж многочисленны. В XIII в. – это “Великие французские хроники”, сконденсировавшие династическую память и создавшие модель историографической работы на многие века. В XVI в., в эпоху Религиозных войн, это так называемая школа “совершенной истории” (*histoire parfaite*), которая разрушила легенду о троянском происхождении монархии и восстановила галльскую древность. “Изучение Франции” Этьена Паскье (1599) представляет собой, уже своим современным названием, эмблематическую иллюстрацию этого. Историография конца Реставрации создает современную концепцию истории: «Письма об истории Франции»

---

⁵¹ Ricoeur 1990.

⁵² Gauchet 1999. P. 137.

⁵³ Valensi 1995.

Огюстена Тьерри (1820) являют собой первый толчок в этом направлении. Их полная публикация в 1827 г. практически с точностью до нескольких месяцев совпадает с появлением по-настоящему первой работы такого рода, принадлежащей перу выдающегося дебютанта Мишле, – «Новой истории в кратком изложении», и с началом чтения Гизо курса «История цивилизации Европы и Франции». Наконец, это национальная позитивистская история, манифест которой – «Исторический журнал» (1876), а памятник – «История Франции» Лависса в 27 томах⁵⁴.

Значение государства и идеологии в формировании национальной идентичности сегодня хорошо изучено⁵⁵. Эту проблематику исследуют не только историки, но и социологи, антропологи, юристы, лингвисты и множество разнообразных институтов культуры⁵⁶. Однако вопрос о роли исторической памяти в формировании такой идентичности требует дополнительных теоретических и конкретно-исторических исследований. Ф. Досс, изучив производство исторического письма, пришел к выводу, что «работа историка совершается в полном соответствии со структурой общества, определяющей условия высказывания, которое должно быть достоверным, уместным и не лишенным смысла»⁵⁷. Поэтому «прежде чем изучать, что история говорит об обществе, надо проанализировать, как она функционирует в обществе»⁵⁸.

Национальная история, историческая память и социум

В логике воспоминаний, которые, согласно П. Рикёру, являются основой любой попытки научно представить картину прошедшего, длительное время центральной являлась идея «самовозвышения», создание идеального образа своей страны и ее народа. В такой логике в историческом познании постепенно закреплялось линейное время, идеи связности и континуитета, вера в прогресс. В национальном нарративе присутствовало мифическое начало, героическое прошлое, светлое будущее; нивелировались разрывы и культурные различия. Неудобные сюжеты замалчивались или представлялись в искаженном виде. Разумеется, все это формировалось постепенно и отнюдь не ли-

---

⁵⁴ Нора 1999. Эрнст Лависс с конца 1870-х гг. являлся официальным историографом Республики вплоть до своей кончины в 1922 г. История Франции, созданная под руководством Лависса и опубликованная в начале XX в., стала воплощением «национального республиканского романа». 18 томов, изданные в период с 1901 по 1911 гг., посвящены истории Франции от истоков до Французской революции. Современная история Франции состояла из 9-ти томов и включала историю страны от Французской революции до Версальского мира 1919 г. П. Нора дважды включил труд Лависса в знаменитый пантеон памяти. О «малом Лависсе» написано в томе, посвященном Республике. «Большой Лависс» присутствует в томе о Нации.

⁵⁵ Тьесс 2010.

⁵⁶ Проблематика национальной идентичности во Франции – горячий сюжет не только в среде интеллектуалов, но и в СМИ. См. об этом: Harzoune 2010.

⁵⁷ Досс 2013. С. 29.

⁵⁸ Certeau 1973. P. 78.

нейно. Ф. Бродель сравнивал динамику истории с испанской процессией: каждый шаг вперед сопровождают два шага назад. То же самое можно сказать и о национальной историографии.

Начиная с глубокой древности и вплоть до XVIII в., в структурах темпоральной организации памяти о Франции доминировало «легендарное» и «антикварное» отношение к прошедшему (собственно историческое мышление стало формироваться лишь в XIX веке)⁵⁹ В эпоху классицизма репрезентация – это мимезис или подражание, с переходом от реального к условному. Критерием этого процесса является подобие, а не истина⁶⁰. Историописанием в эпоху Просвещения занимались политики, ученые, журналисты, антропологи, писатели⁶¹. В XVIII столетии был создан политико-литературный миф о войне двух народностей как источнике французской государственности. Объясняя происхождение дворянства и основания его привилегий, миф в разных интерпретациях представляется и как способ легитимации абсолютной монархии, и как ее критика с целью сохранения привилегированных сословий. Граф Анри де Буленвилье, затем аббат Мабли легитимировали существование двух сословий наличием двух народностей, которые стояли у истоков французской государственности: франков, германцев по происхождению, предков знати, и галло-римлян, предков третьего сословия. Эта контрверза сохранялась до середины XIX века. В ее обсуждении участвовали знаменитые историки эпохи Реставрации Ф. Гизо и О. Тьерри⁶². Для историографического пейзажа этого века характерно преобладание «истории-памяти». Ж. Нуарьель пишет:

«В период июльской монархии Огюстен Тьерри и Жюль Мишле защищали третье сословие от дворянства. Брат Огюстена Тьерри Амадей, который тоже был историком, изобрел формулу: «наши предки галлы». Что касается Мишле, то он говорил о своем «июльском просветлении» (июль 1830 г.), когда он понял, что Германия это раса, Англия – империя, Франция – персона. В эту эпоху «я» историка смешивалось с национальным «мы». Не было, впрочем, ясного различия между работой историка, философа и писателя. Мишле, например, преподавал одновременно историю и философию. Это была также эпоха «hommes complets», подобных Ф. Гизо, который был историком и одновременно министром Луи Филиппа. Такие люди переходили из одного мира в другой, сохраняя легитимность в каждой из этих сред. Но четыре пятых исторической продукции создавали любители: дворяне, журналисты, медики, кюре... Университетская продукция оставалась маргинальной»⁶³.

---

⁵⁹ Ариес 2011.

⁶⁰ Бенн 2011. С. 77.

⁶¹ Иногда их называют «полиграфами», т.е. «разносторонними авторами».

⁶² Thiesse 1999.

⁶³ Noiriel 2009.

В истории долгого XIX века во Франции было два ключевых события, влияние которых на развитие национальной памяти и национальной исторической науки трудно переоценить: революция конца XVIII в. и франко-прусская война 1870–71 г. Именно тогда оформляется понятие *государство-нация*. После прихода к власти республиканцев в 1880 г. была проведена университетская реформа, благодаря которой история, отделившись от философии и литературы, стала автономной дисциплиной. Автономией и научность усилили введением диссертации⁶⁴, а также разработкой строго научного метода и стиля в русле методической школы. Реальное в этой истории утверждается в качестве референциального, облаченного в понятный одежды и обязательные технические процедуры. Историки, возведенные Республикой до уровня элиты, были очень признательны ей за это. В Сорбонне создали кафедры учебные, а не исследовательские. И хотя аполитичность историков стала модой, Республика использовала историю в политических и воспитательных целях, прежде всего на уровне образования.

«История страны в последней трети XIX века получила статус дисциплины-королевы и стала основой иерархически организованного образования, – пишет Нора. – Задача заключалась в том, чтобы формировать граждан и солдат. Образование было направлено на аккумуляцию не слишком грамотного народа, аккумуляцию коллективной и публичной жизни Франции, история которой преподносилась как исключительно достоверная. После франко-прусской войны такая миссия образования была связана также с идеей реванша. В пределе абсолютный культ Родины вместе с идеей Нации стал воплощением сакрального чувства, теснившего религиозную веру. Вся история Франции зывала к самопожертвованию конкретного человека, т.е. к отказу от собственного “Я” в пользу священной Республики»⁶⁵. Можно сказать, что элита республики формировала национальное сообщество и национальный роман одновременно. В школе изучали национальную историю начиная с Верцингеторинга до современности, национальную территорию, состоящую из множества других, но всегда в рамках целого, красоту французского языка (произведения классиков и выдающихся писателей) и символы нации (Марсельеза, праздник 14 июля).

Сегодня французские историки, деконструируя эти репрезентации, убедительно показали, что с XIII в. французское «воображаемое сообщество» формировалось как многоязычная и мультикультурная общность, в создании которой большую роль играло присоединение новых территорий, включая завоевания Капетингов и колониальные захваты, начатые в XVI в. Французская революция, игнорируя эти гео-

⁶⁴ Диссертация Мишле состояла всего из 20 страниц, тогда как Л. Февр накануне Первой мировой войны уже защищал труд более чем в 600 страниц.

⁶⁵ Colliot-Thélène, Malbert, Nora 1997. URL: <http://ries.revues.org/3243>

политические реальности, создала культ единого французского языка, закрепленный национальной и националистической историографией. Система образования Третьей республики сделала этот собирательный образ стержнем коллективной памяти нескольких поколений французов⁶⁶. Включенность этого образа в то, что назвали французским национальным романом, воплощено в метафоре «история-память», ставшей эпистемологическим маркером такой историографии⁶⁷.

Любой процесс идентификации, в т.ч. идентификации национальной, связан не только с историей, но и с работой коллективной памяти. Например, «низложение моралей и религий» (Я. Бурхардт) в период Революции XVIII века породило «страх пустоты», который ясно почувствовали французские революционеры. После «изгнания чудесного» вместе с упраздненными обычаями и нормами они попытались заполнить измученное преобразованиями пространство традиции, изобретая новые обряды и религию⁶⁸. Грандиозные шествия и исторические инсценировки, оформляя вновь вводимые ритуалы и праздники, задавали новую нормативную символику, которая легитимировалась присвоением традиционных аллегорий, костюмов, правил праздничных процессий, персонификаций. Революция использовала историческую память, включая ее мифологические компоненты, для обоснования политических потребностей и решений современности.

При этом существенное значение имеет не столько само сообщение и его субстанциональные особенности⁶⁹, сколько характер его организации, структура. Эта мысль была обоснована французским антропологом и социологом Р. Бастидом⁷⁰, который соединил теорию коллективной памяти М. Хальбвакса с идеей бриколажа К. Леви-Стросса. В соответствии с этой идеей традиционная культура строит свои представления из обломков, остатков старых воспоминаний, как своих, так и чужих. Другими словами, из образного мира, сформированного как профессиональной исторической мыслью, так и социальной памятью социума. Бастид на конкретном материале показал, что бриколаж, как правило, порождается ощущением некоторой нехватки. Это проявляется и в мифе, и в ритуализованных действиях. Бриколаж – это не изобретение и не просто логика воображения: это процесс, содержание которого заключается в замещении некогда существовавшего, но теперь отсутствующего объекта. При таком понимании, практика бриколажа

---

⁶⁶ Garcia, Jean 2003.

⁶⁷ Ферро 2015.

⁶⁸ Озуф 2003; Эксле 2001.

⁶⁹ Современная социология проблематизирует научный статус категории общество/сообщество. См. Урри 2012.

⁷⁰ Bastide 1970.

определенно переплетается и с памятью, и с историей, однако нацелена она не на обновление понимания уже прошедшего, а главным образом на то, чтобы «получить группу для трансформации».

Бастид поддержал идею структуралистов о наличии двух типов воображения: репродуктивного, характерного для коллективов, и творческого, присущего умственной деятельности писателя, ученого, художника. Критикуя вслед за М. Блоком эссенциализм в толковании коллективной памяти, он показал, что ее рамки задает структура группы, воспринимаемая не как коллективное сознание, а как совокупность «межиндивидуальных взаимоотношений», или коммуникация. Получается, что память социума, состоящего из иерархически подчиненных и конкурирующих групп, складывается не в однородном пространстве разума/сознания, а в пространстве социального опыта. Коллективная память (социальная, историческая, культурная) при этом одновременно формируется и деформируется, что оказывает дополнительное искажающее воздействие на социальные процессы и их научное осмысление⁷¹.

«Бессознательная организация коллективной памяти, которой мы позволяем осознать самое себя», ясно проявляется в «Местах памяти», обеспечивая невидимую связь разнородных пространств памяти. Этот труд представляет особый тип историописания, поскольку места памяти не имеют референции в реальности. Точнее «они сами являются своей собственной референцией, знаками, которые не отсылают ни к чему, кроме самих себя, знаками в чистом виде. Это не значит, что у них нет содержания, физического существования и истории, совсем напротив. Но местами памяти их делает как раз то, благодаря чему они ускользают от истории – коллективная историческая память». Место памяти – это «место, закрытое в себе самом, замкнутое в своей идентичности и собранное своим именем, но постоянно открытое расширению своих значений». В данном проекте «историческая критика целиком обернулась критической историей, а не только инструментом ее работы, возрождающейся из самой себя, чтобы жить во второй степени (au second degré)». Подобная историография не может выразить себя в категориях традиционной истории, поскольку «она соткана из хрупкой удачи отношений между восстановленным в памяти предметом и увлеченностью историка своим сюжетом»⁷². В то же время, такая история, включающая в себя память, ближе к спонтанному опыту людей и к опыту гражданскому, поскольку речь идет о том, что всем хорошо известно: Эйфелева башня, 14 июля, девиз «Свобода, равенство, братство».

Импутация культуры в историческое исследование (в виде ментальностей, репрезентаций, гендерных различий, коллективной памяти

---

⁷¹ См. также Lavabre 2000.

⁷² Франция-память... С. 48-49.

и пр.), учет подвижных идентификационных процессов приводит к тому, что «защитный слой исторического исчезает». «Мы поражены удивительной прямоотой, с которой проявляется прошлое» (Ф. Анкерсмит). Возможно, это и объясняет популярность новых типов историописания у читающей аудитории. В новых его формах, включающих в себя антропологически понимаемую культуру, а вместе с ней и людей, проявляется сильное релятивизирующее начало. Уже само понятие репрезентации проблематизирует вопрос о доступности прошлого для изучения. Не случайно историю репрезентаций во Франции называют культурной историей социального или «эмансипированной дочерью истории ментальностей». Именно поэтому история репрезентаций продолжает вызывать критику историков-эмпириков, уверенных в том, что настоящий историк реконструирует прошлую реальность и нормы/правила профессии позволяют ему это сделать. Впрочем, П. Гарсия утверждает, что во Франции «осталось совсем немного историков, которые все еще верят, что можно восстановить прошлое таким, каким оно было», но данных, подтверждающих эту интуицию, он не приводит⁷³.

Вторжение памяти в пространство науки отчасти объясняет ниспровержение специализированного знания, в т.ч. знания исторического, с пьедестала эпохи Просвещения. Современная философия и история науки убеждают в том, что тенденцию к сближению научного и обычного уже не переломить. Ее можно лишь объяснять и искать приемы, позволяющие науке сохранять свое право на компетенцию.

В историческом знании наряду с «обезличивающей рациональностью» присутствуют «распространенные или расхожие верования». Они создают и определяют ментальную атмосферу конкретного социума. Важнейшим компонентом такой ментальности является коллективная память, которая в черед поколений формирует эти верования. М. де Серто, размышляя о том, что делает Фрейд с историей, пишет: «Ироническое и мудрое безумие связано с фактом потери единичности собственной компетенции и обнаружения себя, “кого угодно” или “никого”, в общей истории»⁷⁴. В философской сказке Фрейда под названием «Неудобства культуры», которую анализирует Серто, обычный человек – тот, кто говорит. Он занимает то место в дискурсе, в котором соединяются ученый и обычный человек, это возвращение *другого* (т.е. «всех» и «никого») в то место, которое так тщательно оберегалось от него. Фрейд еще раз объясняет здесь, каким образом банальность заполняет специализированное знание и возвращает знание к его общей предпосылке: «если серьезно, я ничего не знаю»; я как все. А «каждый»

---

⁷³ Garcia 2014.

⁷⁴ Серто 2007.

или «кто угодно», по мнению Серто, это классический вариант имени того, кого не существует.

Иными словами, не существует идентичности универсального «каждого». Именно такой персонаж является главным объектом манипуляции со стороны политиков. В то же время получается, что изучение культуры оказывается возможным тогда, когда обычный человек становится рассказчиком, когда он определяет место дискурса (общее) и пространство его развертывания (анонимное). Это обстоятельство делает чрезвычайно актуальной проблему социальной функции истории в современном мире⁷⁵. Переосмысление содержания и общественной значимости истории – важная гуманитарная задача XXI века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агамбен Д. Нагота. М.: ООО «Изд-во Грюндриссе». 2014. 204 с.
- Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. 2003. 496 с.
- Ариес Ф. Время истории. М.: ОГИ, 2011. 304 с.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
- Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
- Бенн С. Одежды Клио. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2011. 304 с.
- Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). С. 28–35.
- Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: «Кругъ», 2012. 336 с.
- Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // *Как мы пишем историю?* М.: РОССПЭН, 2013. С. 9–56.
- Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. статей / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011. 416 с.
- Историческая политика в XXI веке / ред. А. Миллер, М. Липман. М.: НЛЮ, 2012. 648 с.
- Кондратьева Т. Современность и историческое время // *ЭНОЖ «История»*. Новый образ исторической науки и исследовательский инструментарий историка. 2015. Вып. 9 (42). Т. 6 / З.А. Чеканцева, О.В. Воробьева. <http://history.jes.su/s207987840001248-1-1>
- Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // *ЭНОЖ «История»*. 2015. Вып. 9 (42). Т. 6 / З.А. Чеканцева, О.В. Воробьева. <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>
- Нора П. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуоимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1999. <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>
- Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 55–67.
- Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // *Новое Прошлое / The New Past*. 2016. № 1. С. 82–99.
- Рикёр П. Историческое и репрезентация прошлого // «Анналы» на рубеже веков. Антология. М.: XXI век. Согласие, 2002. С. 23–41.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
- Савицкий Е.Е. Национализм – последняя угроза демократии? Европейские исследования национализма и их постколониальная критика в 1980–1990-е гг. // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 39. С. 256–270.

⁷⁵ См. подробнее: Репина 2015.

- Серто М. де. Общее место: обыденный язык // Неприкосновенный запас. 2007. № 4/54.
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. 544 с.
- Тьесс А.-М. Использование национальной истории в политических целях: на примере современной Франции // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 92-103.
- Урри Дж. Социология за пределами общества: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: изд. дом ВШЭ, 2012. 576 с.
- Ферро М. История Франции. М.: Весь мир. 2015. 832 с.
- Франция-память / П. Нора, М. Озуф и др. М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1999.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8-27.
- Хобсбоум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Ред. Б. Андерсон и др. М.: Праксис, 2002.
- Чечанцева З.А. Историк, история и память в современной Франции // Мир историка. Историографический сборник / Отв. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычков. Вып. 9. Омск: Изд. Омского гос. ун-та, 2014. С. 253-267.
- Чечанцева З.А. Коллективная память и история // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. Ч. 2. С. 229-239.
- Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории – 2001. М.: Наука, 2001. С. 176-198.
- Avanza M. et Laferté G. Dépasser la «construction des identités»? Identification, image sociale, appartenance // Genèses, décembre 2005. № 61. P. 134-152.
- Badré V. De l'histoire champ de bataille à une mémoire pluraliste. Le miroir des manuels // Le Débat 2013/5 (n.°177). P. 23-29.
- Bastide R. Mémoire collective et sociologie du bricolage // L'année sociologique 1970. P. 65-108.
- Bertho C. L'invention de la Bretagne // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. Vol. 35. P. 45-62.
- Bertrand R. Mémoires d'empire. La controverse autour du «fait colonial». Bellecombe-en-Bauges: Éditions du Croquant, 2006. 219 p.
- Blanchard P., Veyrat-Masson I. Les guerres des mémoires. La France et son histoire. Enjeux politiques, controverses historiques, stratégies médiatiques. Paris: La Découverte, 2008.
- Certeau M. de. L'Écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1973.
- Charle Ch. Régions et conscience régionale en France // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. Vol. 35. P. 37-43.
- Citron S. Le Mythe national, l'histoire de France revisitée. Paris, éd. de l'Atelier, 2008. 351 p.
- Citron S. Identité nationale et histoire de France // <http://aggiornamento.hypotheses.org/58>
- Cohen D. La Nature du peuple. Les formes de l'imaginaire social (XVIII – XXIe siècles). Paris: Champ Vallon, 2010. 442 p.
- Colliot-Thélène C., Malbert D. et Nora P. Entretien avec Pierre Nora // Revue internationale d'éducation de Sèvres [En ligne], 13 | 1997. URL: <http://ries.revues.org/3243>
- Concurrence des passés. Usages politiques du passé dans la France contemporaine / Crivello M., Garcia P., Offenstadt N. (dir.). Publ. de l'Université de Provence. 2006. 298 p.
- Détienne M. L'identité nationale, une énigme. Paris: Gallimard, 2010. 192 p.
- Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. Paris: PUF, 2010. 352 p.
- Entretien avec François Hartog, réalisé par Julien Tassel. Les usages publics du passé en temps de présentisme // Sociologies pratiques. 2014/2 (n. 29). P. 11-17.
- Garcia P. Le bicentenaire de la Révolution française. Pratiques sociales d'une commémoration. Paris: CNRS-éditions. 2000. 355 p.
- Garcia P. Le futur est le temps caché de notre histoire // Marianne. N°904. 15-21 août 2014.
- Garcia P. et Jean L. L'enseignement de l'histoire en France de l'Ancien Régime à nos jours. Paris: Armand Colin, 2003. 320 p.
- Gauchet M. Changement de paradigme en sciences sociales? // Le Débat. 1998. No. 50.
- Gauchet M. L'élargissement de l'objet historique // Le Débat. 1999. No. 103.

- Halbwachs M. La Mémoire collective. Paris: PUF, 1981 (1950, 1968). 204 p.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. 272 p.
- Hartog F. Le présent de l'historien // *Le Débat* 2010/1 (n.°158). P. 18-31.
- Harzoun M. Le chiffon rouge // *Hommes et migrations*. 2010. № 1283. P. 180-188.
- Joutard Ph. La Légende des Camisards. Paris. Gallimard, 1985. 442 p.
- Koukoutsaki-Monnier A. La construction symbolique de l'identité nationale française dans les discours de la campagne présidentielle de Nicolas Sarkozy // *Communication*. 2010. N 28 (1). P. 9-36.
- Lavabre M.-C. Usages du passé, usages de la mémoire // *Revue française de science politique*. Vol. 44. N 3, juin 1994.
- Lavabre M.-C. Usages et mésusages de la notion de mémoire // *Critique internationale*, vol. 7. 2000. P. 48-57.
- La mémoire des Français. Quarante années de commémorations de la Seconde guerre mondiale / Bédarida F. (dir.). Paris: Editions du CNRS. 1986. 400 p.
- Namer G. La commémoration en France de 1945 à nos jours. Paris: L'Harmattan, 1987. 224 p.
- Noiriel G. « L'identité nationale » dans l'historiographie française. Note sur un problème // *L'identité politique* / Chevallier J. (dir.). Paris: PUF, 1994. P. 294-305.
- Noiriel G. À quoi sert «l'identité nationale»? Marseille: éditions Agone, 2007. 154 p.
- Noiriel G. De quelques usages publics de l'histoire // *Tracés*. Revue de Sciences humaines [En ligne], #09 | 2009. URL: <http://traces.revues.org/4399>.
- Nora P. Présent, nation, mémoire. Paris: Gallimard, 2011. 420 p.
- Nora P. Présentation. *Le Débat*. 2013/5. № 177. P. 3.
- Pomian K. De l'histoire, partie de la mémoire, à la mémoire, objet de l'histoire // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 1998. N 103/1. P. 63-110.
- Pomian K. Patrimoine et identité nationale // *Le Débat*. 2010/2. № 159. P. 45-56.
- Prochasson C. L'Empire des émotions. Les historiens dans la mêlée. Paris: Demopolis, 2008.
- Reynaud-Paligot C. De l'identité nationale. Science, race et politique en Europe et aux Etats-Unis. XIX-XX siècles. Paris: PUF, 2011. 268 p.
- Ricoeur P. Soi-même comme un autre. Paris: Seuil, 1990. 424 p.
- Ricoeur P. Entre mémoire et histoire. *Projet* // *Mémoires des peuples*. 1996. № 248. P. 7-16.
- Rouso H. Le Syndrome de Vichy de 1944 à nos jours. Paris: Seuil, 1990. 378 p.
- Rouso H. La hantise du passé: entretien avec Ph. Petit. Paris: Textuel, 1998. 98 p.
- Rouso H., Connan E. Vichy, un passé qui ne passe pas. Paris: Gallimard, 1999. 327 p.
- Thiesse A.-M. La Création des identités nationales. Europe XVIIIe – XXe siècle. Paris: Le Seuil, 1999. 302 p.
- Thiesse A.-M. Faire des Français. Quelle identité nationale? Paris: Stock, 2010. 194 p.
- Les usages politiques de la fête aux XIXe – XXe siècles / Corbin A., Gérôme N. et Danielle T. (dir.). Paris: Publications de la Sorbonne, 1994.
- Les usages politiques du passé / F. Hartog, J. Revel (dir.). Paris: Ed. de l'EHESS. 2001. 206 p.
- Valensi L. Histoire nationale, histoire monumentale. Les Lieux de mémoire (note critique) // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1995. V. 50. N 6. P. 1271-1277.
- Weil P. Liberté, Égalité, Discriminations. L'«identité nationale» au regard de l'histoire. Paris: Gallimard, 2009. 205 p.
- Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 187 p.

REFERENCES

- Agamben D. Nagota. M.: OOO «Izd-vo Gryudriss». 2014. 204 s.
- Ankersmit F. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory. M. 2003. 496 s.
- Aries F. Vremya istorii. M.: OGI, 2011. 304 s.
- Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika / per. s nem. B. Khlebnikova. M.: NLO, 2014. 328 s.
- Bauman Z. Tekuchaya modernost': vzglyad iz 2011 g. <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
- Benn S. Odezhdz Klio. M.: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», 2011. 304 s.

- Vel'tser Kh. Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoi bor'by // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2–3 (40–41). S. 28–35.
- Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaya istina. M.: «Krug'», 2012. 336 s.
- Doss F. Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoi storony // Kak my pishem istoriyu? M.: ROSSPEN, 2013. C. 9–56.
- Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati: Sb. statei / red.-sost. I. Gerasimov, M. Mogil'ner, A. Semenov. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. 416 c.
- Istoricheskaya politika v XXI veke / red. A. Miller, M. Lipman. M.: NLO, 2012. 648 c.
- Kondrat'eva T. Sovremennost' i istoricheskoe vremya // ENOZh «Istoriya». Novyi obraz istoricheskoi nauki i issledovatel'skii instrumentarii istorika. 2015. Vyp. 9 (42). T. 6 / Z.A. Chekantseva, O.V. Vorob'eva. <http://history.jes.su/s207987840001248-1-1>
- Leont'eva O.B, Repina L.P. Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i «istorio-grafiya pamyati» v sovremennoi Rossii // ENOZh «Istoriya». 2015. Vyp. 9 (42). T. 6 / Z.A. Chekantseva, O.V. Vorob'eva. <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>
- Nora P. Problematika mest pamyati // P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 1999. <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>
- Ozuf M. Revolyutsionnyi prazdnik: 1789–1799. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003.
- Repina L.P. Nauka i obshchestvo: publichnaya istoriya v kontekste istoricheskoi kul'tury epokhi globalizatsii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2015. T. 157, kn. 3. S. 55–67.
- Repina L.P. Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoi i kul'turnoi pamyati // Novoe Proshloe / The New Past. 2016. № 1. S. 82–99.
- Riker P. Istoriopisanie i reprezentatsiya proshlogo // «Annaly» na rubezhe vekov. Antologiya. M.: XXI vek. Soglasie, 2002. S. 23–41.
- Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie. M.: Izd-vo gumanitarnoi literatury, 2004. 728 c.
- Ryuzen I. Krizis, travma i identichnost' // “Tsep' vremen”: problemy istoricheskogo soznaniya / Otv. red. L. P. Repina. M.: IVI RAN, 2005. C. 38–62.
- Savitskii E.E. Natsionalizm – poslednyaya ugroza demokratii? Evropeiskie issledovaniya natsionalizma i ikh postkolonial'naya kritika v 1980–1990-e gg. // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 39. S. 256–270.
- Serto M. de. Obshchee mesto: obydennyi yazyk // Neprikosnovennyi zapas. 2002. № 4/54.
- Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar'. 2-e izd., ispr. i dop. / otv. red. A.O. Chubar'yan, L.P. Repina. M.: Akvilon, 2016. 544 s.
- Tess A.-M. Ispol'zovanie natsional'noi istorii v politicheskikh tselyakh: na primere sovremennoi Frantsii // Sotsiologicheskii zhurnal. 2010. № 1. S. 92–103.
- Urri Dzh. Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya / per. s angl. D. Kralechkina. M.: izd. dom VShE, 2012. 576 c.
- Ferro M. Istoriya Frantsii. M.: Ves' mir. 2015. 832 c.
- Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf i dr. M. Vinok. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 1999.
- Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2-3. S. 8–27.
- Khobsboum E. Printsip etnicheskoi prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoi Evrope // Natsii i natsionalizm / Red. B. Anderson i dr. M.: Praxis, 2002.
- Chekantseva Z.A. Istoriki, istoriya i pamyat' v sovremennoi Frantsii // Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik / Otv. red. V.P. Korzun, S.P. Bychkov. Vyp. 9. Omsk: Izd. Omskogo gos. un-ta, 2014. S. 253–267.
- Chekantseva Z.A. Kollektivnaya pamyat' i istoriya // Prepodavatel' XXI vek. 2015. № 4. Ch. 2. S. 229–239.
- Eksle O.G. Kul'turnaya pamyat' pod vozdeistviem istorizma // Odissei. Chelovek v istorii – 2001. M.: Nauka, 2001. S. 176–198.
- Avanza M. et Laferté G. Dépassez la «construction des identités»? Identification, image sociale, appartenance // Genèses, décembre 2005. № 61. P. 134–152.
- Badré V. De l'histoire champ de bataille à une mémoire pluraliste. Le miroir des manuels // Le Débat 2013/5 (n.°177). P. 23–29.

- Bastide R. Mémoire collective et sociologie du bricolage // L'année sociologique 1970. P. 65-108.
- Bertho C. L'invention de la Bretagne // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. Vol. 35. P. 45-62.
- Bertrand R. Mémoires d'empire. La controverse autour du «fait colonial». Bellecombe-en-Bauges: Éditions du Croquant, 2006. 219 p.
- Blanchard P., Veyrat-Masson I. Les guerres des mémoires. La France et son histoire. Enjeux politiques, controverses historiques, stratégies médiatiques. Paris: La Découverte, 2008.
- Certeau M. de. L'Écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1973.
- Charle Ch. Régions et conscience régionale en France // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. Vol. 35. P. 37-43.
- Citron S. Le Mythe national, l'histoire de France revisitée. Paris, éd. de l'Atelier, 2008. 351 p.
- Citron S. Identité nationale et histoire de France // <http://aggiornamento.hypotheses.org/58>
- Cohen D. La Nature du peuple. Les formes de l'imaginaire social (XVIIIe – XXIe siècles). Paris: Champ Vallon, 2010. 442 p.
- Colliot-Thélène C., Malbert D. et Nora P. Entretien avec Pierre Nora // Revue internationale d'éducation de Sèvres [En ligne], 13 | 1997. URL: <http://ries.revues.org/3243>
- Concurrence des passés. Usages politiques du passé dans la France contemporaine / Crivello M., Garcia P., Offenstadt N. (dir.). Publ. de l'Université de Provence. 2006. 298 p.
- Détienne M. L'identité nationale, une énigme. Paris: Gallimard, 2010. 192 p.
- Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. Paris: PUF, 2010. 352 p.
- Entretien avec François Hartog, réalisé par Julien Tassel. Les usages publics du passé en temps de présentisme // Sociologies pratiques. 2014/2 (n. 29). P. 11-17.
- Garcia P. Le bicentenaire de la Révolution française. Pratiques sociales d'une commémoration. Paris: CNRS-éditions. 2000. 355 p.
- Garcia P. Le futur est le temps caché de notre histoire // Marianne. N°904. 15-21 août 2014.
- Garcia P. et Jean L. L'enseignement de l'histoire en France de l'Ancien Régime à nos jours. Paris: Armand Colin, 2003. 320 p.
- Gauchet M. Changement de paradigme en sciences sociales? // Le Débat. 1998. No. 50.
- Gauchet M. L'élargissement de l'objet historique // Le Débat. 1999. No. 103.
- Halbwachs M. La Mémoire collective. Paris: PUF, 1981 (1950, 1968). 204 p.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. 272 p.
- Hartog F. Le présent de l'historien // Le Débat 2010/1 (n.°158). P. 18-31.
- Harzoune M. Le chiffon rouge // Hommes et migrations. 2010. № 1283. P. 180-188.
- Joutard Ph. La Légende des Camisards. Paris. Gallimard, 1985. 442 p.
- Koukoutsaki-Monnier A. La construction symbolique de l'identité nationale française dans les discours de la campagne présidentielle de Nicolas Sarkozy // Communication. 2010. N 28 (1). P. 9-36.
- Lavabre M.-C. Usages du passé, usages de la mémoire // Revue française de science politique. Vol. 44. N 3, juin 1994.
- Lavabre M.-C. Usages et mésusages de la notion de mémoire // Critique internationale, vol. 7. 2000. P. 48-57.
- La mémoire des Français. Quarante années de commémorations de la Seconde guerre mondiale / Bédarida F. (dir.). Paris: Editions du CNRS. 1986. 400 p.
- Namer G. La commémoration en France de 1945 à nos jours. Paris: L'Harmattan, 1987. 224 p.
- Noiriel G. « L'identité national » dans l'historiographie française. Note sur un problème // L'identité politique / Chevallier J. (dir.). Paris: PUF, 1994. P. 294-305.
- Noiriel G. À quoi sert «l'identité nationale»? Marseille: éditions Agone, 2007. 154 p.
- Noiriel G. De quelques usages publics de l'histoire // Tracés. Revue de Sciences humaines [En ligne], #09 | 2009. URL: <http://traces.revues.org/4399>.
- Nora P. Présent, nation, mémoire. Paris: Gallimard, 2011. 420 p.
- Nora P. Présentation. Le Débat. 2013/5. № 177. P. 3.
- Pomian K. De l'histoire, partie de la mémoire, à la mémoire, objet de l'histoire // Revue de Métaphysique et de Morale. 1998. N 103/1. P. 63-110.
- Pomian K. Patrimoine et identité nationale // Le Débat. 2010/2. № 159. P. 45-56.

- Prochasson C. L'Empire des émotions. Les historiens dans la mêlée. Paris: Demopolis, 2008.
- Reynaud-Paligot C. De l'identité nationale. Science, race et politique en Europe et aux Etats-Unis. XIX-XX siècles. Paris: PUF, 2011. 268 p.
- Ricoeur P. Soi-même comme un autre. Paris: Seuil, 1990. 424 p.
- Ricoeur P. Entre mémoire et histoire. Projet // Mémoires des peuples. 1996. № 248. P. 7-16.
- Rouso H. Le Syndrome de Vichy de 1944 à nos jours. Paris: Seuil, 1990. 378 p.
- Rouso H. La hantise du passé: entretien avec Ph. Petit. Paris: Textuel, 1998. 98 p.
- Rouso H., Connan E. Vichy, un passé qui ne passe pas. Paris: Gallimard, 1999. 327 p.
- Thiesse A.-M. La Création des identités nationales. Europe XVIIIe – XXe siècle. Paris: Le Seuil, 1999. 302 p.
- Thiesse A.-M. Faire des Français. Quelle identité nationale? Paris: Stock, 2010. 194 p.
- Les usages politiques de la fête aux XIXe – XXe siècles / Corbin A., Gêrôme N. et Danielle T. (dir.). Paris: Publications de la Sorbonne, 1994.
- Les usages politiques du passé / F. Hartog, J. Revel (dir.). Paris: Ed. de l'EHESS. 2001. 206 p.
- Valensi L. Histoire nationale, histoire monumentale. Les Lieux de mémoire (note critique) // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1995. V. 50. N 6. P. 1271-1277.
- Weil P. Liberté, Égalité, Discriminations. L'«identité nationale» au regard de l'histoire. Paris: Gallimard, 2009. 205 p.
- Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 187 p.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

Memory and national identity in the historical culture of France

The article discusses formation and transformation of research approaches to the study of national history in France in the context of relation between collective memory and historical thought seeking professional clarity and academic quality. It shown how memory “works” in historiography; how historical narrative interacts with social memory within national historical memory. The article also presents an analysis of the role of memory in shaping of the French national identity in longue durée and in the context of changing relations with social time.

Keywords: collective memory, national identity, memorial structure, bricolage, history of France, national novel

Zinaida Chekantseva, Dr.Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; achekantzev@mail.ru